

Grącka, Monika

Русская народническая беллетристика в польских исследованиях

Новая русистика. 2017, vol. 10, iss. 1, pp. 69-79

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/136642>

Access Date: 30. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Русская народническая беллетристика в польских исследованиях

The Russian Narodnik Fiction in Polish Research

Моника Гронцка

(Варшава, Польша)

[**статья**]

Abstract:

In the 1870s the Narodnik movement represented the main trend in Russian social thought. It left long-lasting tracks in philosophy, sociology, history, and literature. For a long time, any positive values of the Narodnik ideology were denied; this hindered a serious research of the epoch as such, especially on literary grounds. And while in Russia the situation has changed, in Polish Russian literary studies the problem of the Narodnik writers' literary creation still remained rather in the sphere of potentiality which required further scholarly analysis.

The subject of the article is the analysis of the research state about the Narodnik literature in Poland which takes into consideration the issues of its reception and the presentation of the dominant research problems. Their solution would contribute to a more profound knowledge and the fair-minded evaluation of the real role of the Narodnik writers' fiction in the development of Russian literature in general.

Key words:

Narodnik literary movement; Narodnik-writers; reception

«Народничество было списано; его признали смесью неорганизованного морального возмущения и утопических идей в сумбурном разуме крестьян-самоучек, благонамеренных университетских интеллектуалов и вообще тех, кто пал жертвой социальных бед переходного периода между концом отживающего феодализма и началом новой, капиталистической фазы в отсталой стране» [BERLIN 2001, 120] – писал историк идей и философ Исайя Берлин. И фактически до середины XX века период одного из крупнейших движений, каким было народничество в истории России, даже на отечественной почве представлял второстепенный интерес как для историков, так и литературоведов [WOŹNIAK 1979, 451–461]. Народническая идеология была признана реакционной, а идеи, которые она принесла, были оценены как негативно влияющие на общественную и литературную жизнь того времени.

Во второй половине XX века в советской историографии и литературоведении возрос интерес к народнической тематике, подогретый бурной дискуссией на страницах прессы, разгоревшейся после научной конференции, посвященной теме революционного народничества. Она была организована в 1959 году в Москве Институтом истории Академии наук СССР и историческим факультетом Московского университета, участие в ней приняли также теоретики литературы. Нет нужды подробно представлять результаты исследований литературной эпохи народничества в СССР, так как в настоящей статье мы хотим сконцентрироваться на польском научном вкладе в обсуждаемое явление. Однако, следует, хотя и кратко, описать исследовательские тенденции, касающиеся народничества в России, наметившиеся за последние десятилетия.

Если в 80-е годы XX века наследие писателей-народников еще приковывало внимание литературоведов [GUSEV 1980; SMIRNOV 1982; ARCHANGEL'SKAJA 1987], то в 90-е годы они занимались, главным образом, проблематикой, с которой трудно было связать нерелигиозное в принципе народническое творчество [ZATEJEVA 1999, 52–57]. Пожалуй, переломным в этом вопросе является 2000 год, после которого на издательском рынке снова появились сначала отдельные, а затем и все более частые научные публикации, посвященные народничеству [ZATEJEVA 2000; BELOVA 2004; LEBEDEV 2010, 382–397]. Однако сегодня по-прежнему не хватает работ, имеющих общий типологический характер, не говоря уже о монографиях отдельных писателей народнического направления. Удивляет отсутствие исследования, посвященного господствующей в творчестве народников малой эпической форме, при относительно глубоко исследованном народническом романе [MAJEVSKAJA 1975; ZATEJEVA 2000; BELOVA 2004]. Существует также потребность продолжить исследования взаимовлияний народнического направления и остальных ответвлений реализма в русской литературе. Новейшие исследования, однако,

с этой точки зрения весьма многообещающи и подсказывают новаторские способы анализа и интерпретации такого, казалось бы, отшумевшего уже явления, каким является народническая литература. К сожалению, польская русистика практически совсем не поднимает вопроса русской народнической беллетристики.

Во второй половине XIX века, когда в России только зародилось народническое движение, и потом, когда на развитие его резко повлиял 1861-й год – год крестьянской реформы, когда в 70-е годы случился его апогей, а позднее – его закат – после убийства царя Александра II в 1881 году, – все это время Польша была разделена. Народническое движение было для поляков близко по своему революционному героизму и гуманитарной вере в человеческую свободу, но в то же время чуждо в своей борьбе за деревенскую общину, конец которой означал для народников «смерть или, во всяком случае, серьезное препятствие для свободы и равенства в России» [BERLIN 2001, 121]. Судя по записям воспоминаний радикальных польских деятелей, большой популярностью пользовалась книга Сергея Степняка-Кравчинского *Подпольная Россия* (1881) [PIETKIEWICZ 1929, 108; SIEROSZEWSKI 1959, 154], которую нелегально распространяли в Варшаве, и которую перевели на польский язык уже в 1897 году [KRAWCZYŃSKI 1897]. В 1903 году во Львове был опубликован перевод *Записок революционера* (1902) Петра Кропоткина [KROPOTKIN 1903]. Однако интерес к активной, но более либеральной народнической литературе того периода был в то время ничтожен среди поляков, причем следует помнить, что на захваченной Россией территории не существовало проблемы рецепции по той причине, что польское общество вынуждено было владеть русским языком, и трудно оценить фактическое состояние чтения, тем более, что ресурсы библиотек тщательно контролировались русификаторскими царскими властями. Польский социолог и публицист, Людвик Кживицкий, рассказывая о своей ученической библиотеке в гимназии в Плоцке, вспоминает, что «естественно, там были не только первостепенные, но также и второстепенные русские писатели. Однако не все. Когда русская молодежь [...] зачитывалась Успенским и Златовратским, я об их существовании узнал лишь на III курсе университета» [KRZYWICKI 1947, 124]¹. Не менее красноречивым остается тот факт, что среди произведений т. наз. либеральных писателей-народников на польский язык был переведен лишь один рассказ С. Каронина-Петропавловского *На границе человека*, который в трех очередных номерах опубликовала варшавская еженедельная газета «Głos» (1889, №№ 37–39), а во всей польской прессе того времени появилась лишь одна объемная статья,

1 Перевод автора статьи.

посвященная народнической литературе известного тогда критика русской беллетристики – Бронислава Бялоблочного. В 1883 году в варшавской газете «Przegląd Tygodniowy» он проанализировал произведения Николая Златовратского и Глеба Успенского, упомянутых Кживицким, где особо подчеркнул то, что «русская литература занялась крестьянином не с идиллической стороны, но глубоко исследуя его эпос» [BIAŁOBŁOCKI 1932, 62]². Корреспонденты других журналов, например, варшавского издания «Prawda», сообщая об актуальных литературных явлениях, тенденциях, направлениях, новейших публикациях и упоминая при этом имена Н. Златовратского и Г. Успенского, ограничивались лишь выполнением информационных задач [SZOŁKOWSKI 1888, 294–295; BIAŁOBŁOCKI 1881, 331]. Короткая заметка о Глебе Успенском была опубликована в издаваемом в Петербурге польском журнале «Kraj» (в приложении «Życie i Sztuka») [Gleb... 1902, 197]. В свою очередь, в галицийском литературном журнале «Krytyka» вспоминается имя писателя-народника в статье, посвященной творчеству Владимира Короленко, Максима Горького и Антона Чехова [NEUWERT-NOWACZYŃSKI 1899, 329]. «Царство (Польское) было отграничено от русской литературы» [BRÜCKNER 1906, 7–8]³ – писал историк польской литературы и культуры Александер Брюкнер в литературном очерке, опубликованном в 1906 году.

С момента получения Польшей независимости в 1918 году уже не действовала царская цензура, а отношение к литературе соседней страны стало более объективным. Тем не менее, в наиболее глубоких исследованиях писателей-народников в польских публикациях встречаем только две фамилии – Г. Успенского и Н. Златовратского. «Пика достигла народническая литература о Глебе Успенском и Златовратском, – пишет Брюкнер, на этот раз в качестве автора *Истории русской литературы*, напечатанной в 1922 году, – что находясь на противоположных полюсах, один как будто бы пессимист, другой как будто бы оптимист, окончательно встретились они в этих иллюзиях, без которых им ни жить, ни действовать, ни доверять» [BRÜCKNER 1922, 228]⁴. Кроме того, в главе, посвященной «народникам», Брюкнер лишь упоминает о творчестве Николая Наумова, развивая при этом характеристику авторов, творчество которых не до конца отождествляется с народнической литературой, таких как Федор Решетников или Александр Левитов. В том же 1922 году на имя Г. Успенского ссылается также Леон Козловский в посмертной статье, посвященной В. Короленко, опубликованной в журнале «Przegląd Współczesny».

2 Перевод автора статьи.

3 Перевод автора статьи.

4 Перевод автора статьи.

Бывший деятель русской польской диаспоры и личный друг Короленко вспоминает писателя и сопоставляет его наследие с русской литературой, в том числе с творчеством Успенского [KOZŁOWSKI 1922, 88–103].

Послевоенный литературовед Францишек Селицкий обращает внимание на тот факт, что Глеб Успенский пользовался в межвоенной Польше (1918–1939) большим уважением и популярностью, хотя и не имел польских переводов [SIELICKI 1994, 29–31]. Его произведения не переводились, так как, считает ученый, он был автором (как и Златовратский), частично запрещенным на территории, которая входила в состав России. Однако беллетристику писателя широко читали в оригинале. Селицкий напоминает, как высоко ценил Успенского польский писатель и философ Станислав Бжозовский, «часто ссылаясь на его произведения как на пример хорошего писательства, верного отражения нравственной правды, образец абсолютно честного творчества» [BRZOZOWSKI 1936, 29]⁵, и одновременно попадая под влияние своего учителя, как он сам его называл, особенно в повести *Пламя* [JAZUKIEWICZ-OSEŁKOWSKA 1980, 224]. В межвоенной Польше была также начата научная дискуссия о связях творчества Успенского с наследием другого польского автора – Стефана Жеромского, который подтверждал в своих *Дневниках*, что зачитывался беллетристикой русского писателя [TIMOFIEJEW 1935a, IV–V; TIMOFIEJEW 1935b, II–V].

После II мировой войны ситуация политической зависимости Польши от СССР вновь не способствовала развитию интереса к народническому движению и посвященной данной тематике литературе, которую в большой степени затмили и отодвинули задний план марксистские теории. Мерой популярности каждого писателя в чужой стране является, конечно, наличие его переводов. Тем временем среди писателей-народников (кроме упомянутых С. Степняка-Кравчинского, П. Кропоткина и С. Каронина-Петропавловского) отдельных переводов на польский язык дождались лишь Глеб Успенский и Павел Засодимский⁶. Другие авторы, отождествляемые с либеральным

5 Перевод автора статьи.

6 Три произведения Глеба Успенского: *Учительница* из цикла очерков *Новые времена, новые заботы* (1873), *Прошлое Ивана Босых* из цикла *Власть земли* (1882) и *Четверть лошади* из цикла *Живые цифры* (1888) в переводе Юзефа Бродзкого появились в антологии, опубликованной в 1954 году и озаглавленной *Русская новелла XIX века (Nowela rosyjska XIX wieku, Warszawa 1954, t. II)* под редакцией Земовита Федецкого и с введением Артура Сандауэра. Два другие – *Нужда песенки поет* (1866) и *Снуся рукава*, (1868) в переводе Анджея Цесажа – опубликованы в 1961 году в антологии *Забывтый альбом. Антология русской новеллы XIX века (Zapomniany album. Antologia noweli rosyjskiej XIX wieku, Warszawa 1961, t. II)* под редакцией Марии Гжещак. В 1956 году на польском издательском рынке появилась книга Успенского *Нравы Растеряевой улицы* (1866) в переводе Юзефа Бродзкого.

народническим направлением в русской литературе, в том числе наиболее представительный из них – Николай Златовратский, – никогда не переводились на польский язык.

Весьма слабым остается также состояние польских послевоенных исследований литературы писателей-народников. В 1958 году в журнале «*Język rosyjski*» была опубликована статья Хелены Язьвиньской *О народниках и отражении кризиса их идеологии в творчестве М. Златовратского несколько слов*, в котором автор сопоставляет повесть Златовратского *Устои* (1878–1882) с основными положениями народнической идеологии. По мнению исследовательницы, писатели-народники, а прежде всего Златовратский, «вместе с утопическими идеалами рисуют [...] конкретные явления, создают настоящие, реалистические образы, которые содержат познавательный материал, имеющий огромное значение для историка, социолога, экономиста и др.» [JAŻWIŃSKA 1958, 9]⁷. Статья Язьвиньской, опубликованная за год до упомянутой конференции в Москве, завершившей «заговор молчания», касающийся народнических тем в России, представляет собой событие для Польши в области исследований народнической литературы. Кроме того, несколько замечаний, хотя и весьма обобщенных, о творчестве писателей-народников содержит статья Збигнева Бараньского *Пути развития русской прозы в восьмидесятые годы*, напечатанная в 1963 году [BARAŃSKI 1963, 240]. А шесть лет спустя по случаю рецензии книги Николая Соколова *Русская литература и народничество* Тадеуш Шишко обратил внимание на оригинальность народнической литературы. Рецензент подчеркнул ее пытливость во всестороннем анализе процессов, происходящих в деревне того времени, и сделал сжатый разбор своеобразия литературных жанров, свойственных народнической прозе [SZYSZKO 1969, 455–456].

Первый в Польше скромный вклад в развитие темы народнической литературы содержит учебник *Русская литература* под редакцией Мариана Якубца, напечатанный в 1971 году. Рене Сливовский, автор подраздела *Народники и «хождение в народ»*, показывает здесь образ Г. Успенского, подчеркивая, что особо обличительный характер его творчества отличает этого автора от других писателей-народников. Кратко исследователь останавливается на творчестве Сергея Петропавловского, Николая Наумова и Н. Златовратского, которого считает «наиболее талантливым из этих народнических писателей»

В то же время в первой части упомянутой антологии под редакцией Марии Гжещак, озаглавленной *Старые времена. Антология русской новеллы XIX века (Dawne czasy. Antologia noweli rosyjskiej XIX wieku, Warszawa 1960)* и в ее переводе было опубликовано также единственное произведение Павла Засодимского *Темные силы* (1870).

7 Перевод автора статьи.

[ŚLIWOWSKI 1971, 166]⁸. Говоря о революционном народничестве, он вспоминает рассказ Андрея Осиповича-Новодворского *Эпизод из жизни ни павы ни вороны* (1877), чтобы затем сконцентрировать внимание на творчестве Сергея Степняка-Кравчинского, автора книг *Подпольная Россия* и *Андрей Кожухов*. В подразделе учебника *Упадок народнической литературы*, подготовленном Збигневом Бараньским, говорится об Александре Эртеле [BARAŃSKI 1971, 501]. Бараньский является также соредактором (вместе с Антони Семчуком) другого учебника, посвященного русской литературе, – *Очерк по русской литературе*, в котором больше всего внимание посвящено творчеству Глеба Успенского [BARAŃSKI, SEMCZUK 1975, 420–428]. К наследию народнической беллетристики обращался еще в 70-е годы Тадеуш Климович в книге *Дмитрий Мамин-Сибиряк и проблемы натурализма в русской литературе*. По мнению исследователя, «[...] брошенный натуралистами лозунг объективизма получил частичное одобрение в народническом лагере. [...] Частично отечественная традиция («натуральная школа» и писатели-разночинцы), а частично и творчество Эмиля Золя способствовали тому, что проблеме среды (в произведениях народников) было придано важное значение, приобрел влияние документализм, основанный на фактах, числах и прочих деталях, характерных для метода Золя» [KLIMOWICZ 1979, 127–128]⁹.

Ключевое значение в польских исследованиях народнической литературы имеет книга Миколая Куплёвского, озаглавленная *Народническая идеология и русская литература в 1870–1890 годы* (Варшава, Краков 1986). В отдельных разделах исследователь анализирует творчество Н. Златовратского, П. Засодимского, Г. Успенского и С. Каронина-Петропавловского, пытаясь показать сферу и способ отражения в их произведениях народнической идеологии, но затрагивает также вопросы отношения к ней Льва Толстого, Федора Достоевского и Ивана Тургенева. Доказывает, что народническая идеология, которая пыталась решить наиболее актуальные и значимые проблемы своей эпохи, пусть и не свободная от утопических мечтаний, оставила глубокий след в русской литературе, а литературное народническое направление именно с точки зрения философской убежденности, концепции задач и целей творчества, а также методов использования писателями тематического и языкового материала следует признать фундаментальным [KUPLOWSKI 1986, 50].

Первой и единственной, появившейся до сих пор в Польше, является монография Веславы Возняк, касающаяся творчества С. Каронина-Петропавловского под названием *Проза Сергея Каронина*. Из исследований над русской

8 Перевод автора статьи.

9 Перевод автора статьи.

народнической литературой (Люблин 1988). Автор анализирует структурные элементы произведений Каронина: способ изображения героев, повествования, отношение рассказчика к изображенному миру, что позволило определить специфику изображения деревенской тематики в его творчестве. Возняк обращает при этом внимание на характерный для творчества Каронина и отличающий его среди других писателей-народников сатирический элемент [WOŹNIAK 1988].

В 90-е годы имена писателей-народников упоминаются в *Словаре русских писателей* под редакцией Флориана Неуважного [NIEUWAŻNY 1994], однако наследие представителей литературного народнического направления по-прежнему лишь эпизодически представляет собой материал для более глубоких исследований [GRZYŚ 1995, 59–75]¹⁰. Внимания заслуживает статья Збигнева Бараньского *Русское народничество и польские вопросы*, в которой исследователь описывает эволюцию взглядов народнических писателей на январское восстание: широкую амплитуду настроений от крайне отрицательных оценок или появляющихся с течением времени мнений более взвешенных до, наконец, полного пересмотра отношения к польскому народному подъему. Факты, приведенные в статье, доказывают, что «...в ненаписанной еще истории литературных польско-русских отношений, – по мнению Бараньского, – должна появиться специальная глава о польских вопросах в кругу народников» [BARAŃSKI 1995, 41]¹¹.

Также среди новейших русистских исследованиях бессмысленно искать работы, которые бы показывали комплексно явление литературного народничества. Имя Николая Наумова появляется в исследовании Казимеры Лис *Сибирь в истории литературы царской России. Реалии и мифы* [LIS 2009, 48–49]. Уже несколько лет публикуются работы автора настоящей статьи, посвященные творчеству Н. Златовратского [GRĄCKA 2010; GRĄCKA 2012]¹², однако интерес ученых к народническому направлению в русской литературе по-прежнему остается недостаточным.

10 Предметом анализа в статье Хенрика Гжися *Вокруг проблематики рассказов Александра Эртеля («Переселенцы», «Записки степняка»)* является творчество Александра Эртеля. Автор представляет проблематику упомянутых в названии произведений писателя, подчеркивая их связь с тургеневской традицией в изображении народа и, как в случае с циклом *Записки степняка*, родство в его поэтической трактовке.

11 Перевод автора статьи.

12 Здесь следует отметить статьи, посвященные проблематике, остающейся до сих пор вне сферы исследований, а касающиеся воспоминаний и автобиографической прозы писателя-народника.

Библиография:

- ARCHANGEL'SKAJA, V. K. (1987): *Narodničeskaja belletristika*. In: GORELOVA, A. A. (red.): *Russkaja literatura i fol'klor (konec XIX veka)*. Leningrad, s. 194–241.
- BARAŃSKI, Z. (1963): *Drogi rozwojowe prozy rosyjskiej w latach osiemdziesiątych XIX wieku*. *Slavia Orientalis*, 1963, nr 2, s. 237–251.
- BARAŃSKI, Z. (1971): *Charakterystyka okresu. Upadek literatury narodnickiej*. In: JA-KÓBIEC, M. (red.) *Literatura rosyjska*. Warszawa, t. II, s. 494–513.
- BARAŃSKI, Z. (1995): *Narodnictwo rosyjskie wobec spraw polskich*. In: PRUS, K. (red.): *Stosunki kulturowo-literackie polsko-wschodniosłowiańskie*. Rzeszów, s. 32–42.
- BARAŃSKI, Z., SEMCZUK, A. (red.) (1975): *Literatura rosyjska w zarysie*. Warszawa.
- BELOVA, N. M. (2004): *Russkij roman 80–90-ch godov XIX veka*. Saratov.
- BERLIN, I. (2001): *Istorija svobody. Rossija*. Moskva.
- [BIAŁOBŁOCKI, B.] R. (1881): *Korespondencja „Prawdy”*. *Z Petersburga*. *Prawda*, 1881, nr 28, s. 331.
- BIAŁOBŁOCKI, B. (1932): *Szkice literackie*. Warszawa.
- BRZOZOWSKI, S. (1936): *Kultura i życie*. In: BRZOZOWSKI, S. (red.): *Dzieła wszystkie*, t. 4. Warszawa.
- BRÜCKNER, A. (1922): *Historia literatury rosyjskiej*. T. 2. Lwów–Warszawa–Kraków.
- BRÜCKNER, A. (1906): *O literaturze rosyjskiej i naszym do niej stosunku dziś i lat temu trzysta. Szkic literacki*. Lwów–Warszawa.
- Gleb Uspienski*. (1902): [b. a.]. *Życie i Sztuka*, 1902, nr 29, s. 197.
- GRĄCKA, M. (2010): *Ze wspomnień literackich Nikołaja N. Złatowratskiego*. In: WOŁODŹKO-BUTKIEWICZ, A., ŁUCEWICZ, L. (red.): *Studia Rossica XX. Memuarystyka rosyjska i jej konteksty kulturowe*. T. 1. Warszawa, s. 199–212.
- GRĄCKA, M. (2012): *W „złoty snach” przeszłości. Cykl autobiograficznych opowiadań Nikołaja Złatowratskiego „Jak to było” („Kak èto bylo” 1890, 1911)*. In: WOŁODŹKO-BUTKIEWICZ, A., ŁUCEWICZ, L. (red.): *Studia Rossica XXI. Autobiografie pisarzy rosyjskich*. Warszawa, s. 111–121.
- GRZYŚ, H. (1995): *Wokół problematyki opowiadań Aleksandra Ertela („Przesiedleńcy”, „Zapiski stepowca”)*. In: RADZIUK, R. (red.): *Małe formy w literaturze rosyjskiej*. Rzeszów, s. 59–75.
- GUSEV, V. (1980): *Romantičeskije tendencii v proze pisatelej-narodnikov 70–80-ch godov XX veka*. *Voprosy russkoj literatury*, 1980, vyp. 2 (36), s. 74–82.
- JAZUKIEWICZ-OSEŁKOWSKA, L. (1980): *F. Dostojewski w twórczości S. Brzozowskiego i S. Żeromskiego*. Warszawa.
- JAŻWIŃSKA, H. (1958): *O narodnikach i odbiciu kryzysu ich ideologii w twórczości M. Złatowratskiego słów kilka*. *Język rosyjski*, 1958, nr 4, s. 4–10.

- KLIMOWICZ, T. (1979): *Dmitrij Mamin-Sibirak i problemy naturalizmu w literaturze rosyjskiej*. Wrocław.
- KOZŁOWSKI, L. (1922): *Włodzimierz Korolenko. Wspomnienia pośmiertne i próba charakterystyki*. Przegląd Współczesny, 1922, nr 3, s. 88–103.
- KRAWCZYŃSKI, S. (1897): *Podziemna Rosja. Obrazki z przeszłości młodej Rosji*. Lwów.
- KROPOTKIN, P. (1903): *Wspomnienia rewolucjonisty*. Lwów.
- KRZYWICKI, L. (1947): *Wspomnienia*. T. I. Warszawa.
- KUPŁOWSKI, M. (1986): *Ideologia narodnicka a literatura rosyjska w latach 1870–1890*. Warszawa–Kraków.
- LEBEDEV, Ju. V. (2010): *Russkaja «narodnaja škola» i «duch kapitalizma»*. In: LEBEDEV, Ju. V. (red.): *Pravoslavnaja tradicija v russkoj literaturze XIX veka*. Kostroma, s. 382–397.
- LIS, K. (2009): *Syberia w historii literatury Rosji carskiej. Realia i mity*. Kielce.
- MAJEVSKAJA, T. P. (1975): *Ideji i obrazy russkogo narodničeskogo romana (70–80-e gody XIX veka)*. Kijev.
- NIEUWAŻNY, F. (red.) (1994): *Słownik pisarzy rosyjskich*. Warszawa.
- NEUWERT-NOWACZYŃSKI, A. (1899): *Młoda Rosja (W. Korolenko, M. Gorki, A. Czechow)*. Krytyka, 1899, z. 6, s. 329.
- PIETKIEWICZ, K. (1929): *Polacy w rosyjskim ruchu wyzwolenicznym*. Niepodległość, 1929, t. 1, s. 108.
- SIELICKI, F. (1994): *Dziewiętnastowieczni pisarze rosyjscy w Polsce międzywojennej*. Slavica Wratislaviensia, 1994, nr XXXVIII, s. 29–31.
- SIEROSZEWSKI, W. (1959): *Pamiętniki*. In: SIEROSZEWSKI, W. (red.): *Dzieła*. T. 16. Kraków.
- [SZOŁKOWSKI, M.] N. B. (1888): *Listy petersburskie*. Prawda, 1888, nr 25, s. 294–295.
- ŚLIWOWSKI, R. (1971): *Ogólna charakterystyka epoki. Narodnicy i „chodzenie w lud”*. In: JAKÓBIEC, M. (red.): *Literatura rosyjska*. T. II. Warszawa, s. 143–180.
- SMIRNOV, V. (1982): *Na rubeże desjatiletij. Krest’janskij vopros v obščestvenno-literaturnoj bor’be konca 70-ch – načala 80-ch godov*. In: SMIRNOV, V. (red.): *Russkaja literatura v period vtoroj revoljucionnoj situacii*. Saratov–Volgograd, s. 18–58.
- SZYSZKO, T. (1969): *N. I. Sokolov: «Russkaja literatura i narodničestvo. Literaturnoje dviženije 70-ch godov XIX veka»*. Leningrad 1968, 254 s. Slavia Orientalis, 1969, nr 4, s. 452–456.
- TIMOFIEJEW, G. (1935a): *Literatura rosyjska a Żeromski*. Kurier Literacko-Naukowy, 1935, nr 12, s. IV–V.
- TIMOFIEJEW, G. (1935b): *Literatura rosyjska a Żeromski*. Kurier Literacko-Naukowy, 1935, nr 29, s. II–V.
- WOŹNIAK, W. (1988): *Proza Sergiusza Karonina. Ze studiów nad rosyjską literaturą narodnicką*. Lublin.

- ZATEJEVA, T. V. (1999): *Religija i narodništvo (filosofsko-literaturovedčeskij aspekt)*.
In: GARMAJEVA, S. I. (red.): *Literatura i religija: problemy vzaimodejstvija v obščekul'turnom kontekste*. Ulan-Udè, s. 52–57.
- ZATEJEVA, T. V. (2000): *Tipologija ličnosti v narodničeskom romane*. Ulan-Udè.

Об авторе

Monika Grącka, University of Warsaw,
Faculty of Applied Linguistics, Department of Intercultural Studies in Central-Eastern
Europe (KSI),
Warsaw, Poland, mjgracka@uw.edu.pl

